

UDK 811.161.1'36
811.161.1'1
Izvorni znanstveni članak
Primljen: 11. 2. 2008.
Prihvaćen za tisak: 19. 9. 2008.

Высоцкая Ирина Всеволодовна
Новосибирский государственный
педагогический университет
Кафедра русского языка и методики преподавания
Ул. Вилуйская 28, Новосибирск, 630126 Россия

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО И НАРЕЧИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Взаимодействие частей речи рассматривается с точки зрения теории синкретизма и теории поля, а также синергетического подхода в лингвистике. Охарактеризованы условия и ступени адвербиализации имен существительных, на шкале взаимодействия рассмотрен ряд связующих звеньев, демонстрирующий синхронные связи имени существительного и наречия в современном русском языке

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *теория синкретизма, теория поля, ядерные явления, синкретичные явления, шкала переходности, шкала взаимодействия, адвербиализация*

Диалектический метод анализа языка позволяет видеть в нем противоречивое единство противоположностей, целое, пронизанное всеобщими связями и взаимными переходами. Это справедливо для всех уровней языка, в том числе и для морфологии. Очевидно, что систему частей речи некорректно изображать в виде упорядоченного линейного ряда. Взгляд на язык как естественное образование обуславливает представление об асимметрии языковой системы, невозможности проведения четких разграничительных линий и построения однозначных классификаций.

Наиболее значимыми для нашего исследования являются основные положения *теории синкретизма* и *теории поля*, которые органично вписываются в рамки синергетического подхода.

В конце 60-х гг. XX в. были сформулированы основные положения теории переходности и синкретизма применительно к грамматической системе языка (Бабайцева, 1967). В. В. Бабайцева обращает внимание на соответствие формы и содержания *ядерных явлений* (типичных грамматических единиц, обладающих полным набором дифференциальных признаков) и нарушение этого баланса в *синкретичных явлениях* (совмещающих свойства двух противопоставленных ядерных единиц). Предложенная В. В. Бабайцевой *шкала переходности* позволяет показать место явлений синкретизма между оппозиционно противопоставленными явлениями (А и Б) и представить соотношение (колебания в "удельном весе")

совмещающихся признаков с помощью буквенных символов. Среди синкретичных образований выделены периферийные (**Аб** и **аБ**) и промежуточные (**АБ**):

А – Аб – АБ – аБ – Б

Для более детального анализа синкретичных образований привычный набор из пяти звеньев шкалы переходности может быть увеличен за счет дополнительных звеньев. Нами предложена *шкала взаимодействия*, на которой выделены дополнительные синкретичные звенья (их буквенные символы заключены в скобки):

А – (Ааб) – Аб – (Абб) – АБ – (ааБ) – аБ – (абБ) – Б.

С этим научным направлением связана значительная часть наших работ, причем положение о системообразующем характере синкретизма позволяет трактовать синкретичные явления как закономерные, обусловленные взаимосвязанностью противопоставленных ядерных явлений. Изучение синкретичных явлений, которые обычно отождествляются с энтропийными процессами, меняет представление о порядке в языке как сложной саморегулирующейся системе (Высоцкая, 2004), (Высоцкая, 2007).

Термин "das sprachliche Feld" ("языковое поле") употребляется в 30-е гг. XX в. в работах Й. Трира. Основные принципы нового направления разрабатывались также Л. Вайсгербером и В. Порцигом. Характеризуя классы немецкого языка, Х. Бринкман отметил, что каждая часть речи имеет свой основной состав (Grundbestand). Он отметил, что словам оказываются свойственны какие-то новые черты, сближающие их со словами других частей речи (Brinkman, 1963: 101).

Теория поля, появившаяся в немецкой лингвистике, в советском языкознании нашла свое отражение прежде всего в исследованиях немецкого языка. Так, одним из первых мысль о полевой природе частей речи высказал в 1968 г. В. Г. Адмони (Адмони, 1968). Полевой подход развивается в работах В. М. Павлова (Павлов, 1996), (Павлов, 2001), В. В. Шигурова (Шигуров, 2003) и других исследователей.

Соединяя положения указанных научных направлений (теорию синкретизма и теорию поля), можно сравнить ядерные единицы с магнитами, которые создают силовые поля и втягивают в зоны притяжения периферийные единицы. Нами высказано предположение о том, что и система частей речи в целом может быть представлена как совокупность взаимодействующих пересекающихся частеречных полей (Высоцкая, 2006: 84 и др.).

Сравним проблемы распределения слов по частям речи с проблемами цветовой концептуализации. По-разному устанавливается состав основных цветов: три (в колористике это красный, желтый, синий), четыре (с учетом данных нейрофизиологии к трем названным добавляют зеленый), шесть (с добавлением к четырем двух нейтральных – белого и серого), семь (если идти "вслед за радугой"). Т. н. непервичные цвета (или оттенки) описываются в терминах пересечения первичных цветов, рассматриваются как цветосочетания. Количество возможных оттенков, получаемых путем смешения цветов, практически не ограничено и может быть расширено до бесконечности. Сходную картину можно наблюдать и в отношении частей речи: сложность установления их ядерного состава, трудности в

упорядочивании синкретичных образований и их квалификации, неисчерпаемость пересечений и открытость системы. Цветовые и частеречные аналогии не безосновательны, если учесть распределение семантических и грамматических типов в мозге (Иванов, 2004: 60-70).

Изучение взаимосвязей между частеречными полями позволяет уточнить ядерные признаки частей речи и выделить синкретичные образования, для упорядочения которых необходимо последовательное изучение взаимосвязей каждого элемента системы со всеми остальными. Существует проблема разграничения синкретичных образований, демонстрирующих наличие внутренних связей и постепенность перехода от периферийных явлений к промежуточным, от одного частеречного поля к другому.

Нами представлено практическое решение этой проблемы на примере изучения связей имени существительного с другими частями речи современного русского языка (Высоцкая, 2006: 101-276).

Продемонстрируем возможность применения этого подхода применительно к процессам взаимодействия имени существительного и наречия. Остановимся на явлении *адвербиализации*¹ имен существительных (в этом случае субстантивные формы приобретают значение и грамматические свойства наречия). Рассмотрим условия (1) и ступени (2) адвербиализации имен существительных.

1. Условия адвербиализации имен существительных

Прежде всего это ряд семантических факторов. Адвербиализации способствует более абстрактный характер значения исходного существительного. Ср. субстантивные обстоятельства места:

*Гроб понесли рощею <...> – Он невольно пошел **стороною** и скрылся за деревом* (А. Пушкин).

Ср. также обстоятельства со значением способа передвижения:

*Пополам перегнуло набок, совсем **углом**, так **глаголем** и ходит...* (А. Островский) – *Маяковский шагал **особняком**, на отлете, и, не желая ни с кем разговаривать, беспрерывно декламировал сам для себя чужие стихи – Сашу Черного, Потемкина, Иннокентия Анненского, Блока, Ахматову* (К. Чуковский).

В первом случае существительные в обстоятельственной функции сохраняют яркое лексическое значение, метафора по форме основана на скрытом сравнении, во втором – значения наречия *особняком* ("отдельно") и формально мотивирующего существительного *особняк* расходятся и не допускают сравнения. Вероятно, семантические различия исходного существительного и наречия позволили М. В. Панову утверждать, что слова *проездом*, *проходом* – уже не формы творительного падежа слов *проезд*, *проход*: "они выпали в наречия, в особые лексемы" (Панов, 1990: 89).

¹ См. работы В. В. Виноградова, В. В. Бабайцевой, М. Ф. Лукина, О. М. Ким, Д. Г. Демидова, А. К. Демидовой, Н. Е. Петровой и др.

Переход в состав наречий может быть обусловлен характером системных семантических связей исходного существительного. Ср.:

*В одиночку не одолеешь и кочку, **артелью** и через гору впору* (пословица) – *Возле пивного ларька густела черная толпа мужчин. Некоторые в одиночку и **парочками** с кружками в руках стояли поодаль* (Ю. Трифонов).

Оба существительных выполняют функцию обстоятельства образа действия, оба они антонимичны наречию *в одиночку*, однако в первом случае противопоставление контекстуальное, а во втором – языковое, оно и дает большие шансы адвербиализации существительного в форме творительного падежа.

В. В. Виноградов (Виноградов, 1972: 307) выделял различные источники адвербиализации субстантивных форм. Они могут пересекаться: в частности, образование по продуктивным моделям нередко осложняется фразеологизацией:

*Счастливо, не поминайте меня **лихом*** (А. Пушкин).

Некоторые устойчивые сочетания воспринимаются как плеонастические:
*От Васи Захарова. **Ездит он шофером** в Таджикистане* (Е. Шварц).

Тавтологические сочетания однокоренных наречия и мотивирующего глагола создает эффект усиления:

Дымом дымится** под тобою дорога, гремят мосты, все отстает и остается позади* (Н. Гоголь); ***Пропадом ты пропади, говорят... (О. Мандельштам); *Дом напротив – **странный дом**. Все в нем бродит, Все в нем **ходит Ходуном*** (Л. Максимов).

Таким образом, хотя переход существительного в наречие обычно не маркируется (за исключением редких случаев изменения ударения: *кру́гом* – *круго́м*, *ве́рхом* – *верхо́м*), морфологическая трансформация может сопровождаться изменением характера лексического значения слова, утратой семантической и синтаксической самостоятельности при функционировании в составе фразеологического оборота.

Изменения лексического значения часто ведет к ограничению валентных свойств результирующих единиц. Ср. субстантивные обстоятельства образа действия:

*И ограбить-то не умел, только и сумел, что и убить! **Первый шаг, говорю тебе, первый шаг; потерялся! И не **расчетом**, а **случаем** вывернулся!*** (Ф. Достоевский) – *Аркадий улыбнулся и, слегка придвинувшись к Кате, промолвил **шепотом**...* (И. Тургенев).

В первом случае представлено свободное словосочетание, имеющее уникальный, непрогнозируемый состав компонентов скорее, во втором – лексически обусловленное словосочетание, зависимый компонент которого обозначает типичный, прогнозируемый признак действия. В функции обстоятельства образа действия употреблены в первом случае формы имен существительных, обладающие широкой валентностью, во втором – отсубстантивное наречие, ограниченное в употреблении: предполагающее примыкание к глаголам речи. В этом случае ограничение сочетаемости наречия "спровоцировано" семантикой исходного существительного, обозначающего тихую речь.

Однако валентные свойства определяются и индивидуальным, и унифицирующим значением. Так, сочетаемость наречий, обозначающих способ движения, ограничена рамками глаголов движения:

*И шагом идет в чистом поле, В мечтанья погружаясь, она...; Лицо его стало мрачнее ночи, он с презрением улыбнулся, грозно взглянул на дворню и поехал **шагом** около двора* (А. Пушкин); *Дорога от монастыря до города шла по песку, надо было ехать **шагом**...* (А. Чехов) – *Облегчив душу сим благим намерением, Кирила Петрович пустился **рысью** к усадьбе своего соседа – и въехал прямо во двор* (А. Пушкин); *Мы пустились **рысью*** (М. Лермонтов).

Разная степень предсказуемости и в синкретичных обстоятельствах, совмещающих значение образа действия и сравнения:

*Время (дело известное) летит иногда **птицей**, иногда ползет **червяком**; но человеку бывает особенно хорошо тогда, когда он даже не замечает – скоро ли, тихо ли оно проходит. Аркадий и Базаров именно таким образом провели дней пятнадцать у Одинцовой* (И. Тургенев) – *Перед домом в темноте разноцветные огни вспыхнули, завертелись, поднялись вверх **колосьями, пальмами, фонтанами, посыпались дождем, звездами, угасали и снова вспыхивали*** (А. Пушкин).

Гораздо легче предугадать признаки глаголов, обозначающих вполне определенный характер движения животных (*летать, ползти*), чем атрибуты глаголов со значением направления движения (*подняться, посыпаться*). Следовательно, в некоторых случаях и лексическое значение глагола ограничивает выбор примыкающих к ним наречий.

Итак, появление некоторых мотивированных существительными наречий может сопровождаться ограничением их сочетаемости рамками глагольных групп с определенной семантикой.

К числу перспективных относится вопрос о предпосылках адвербиализации существительных, связанный с изучением лексической и грамматической субстантивной периферии. С этой точки зрения интересно исследовать семантику и форму тех существительных, которые с большей вероятностью становятся источниками адвербиализации. Легко поддаются трансформации существительные с семантикой времени, состояния. В этой связи могут быть выделены и другие группы слов с "непредметной" семантикой. Продуктивность процесса перехода зависит и от падежной формы исходного существительного. Ср.:

*Мы / спим / **ночь**. / **Днем** / совершаем поступки* (В. Маяковский).

Активно переходят в наречия беспредложные формы творительного падежа, предложно-падежные формы родительного, винительного и предложного. Систему всех падежных значений можно представить как полевую организацию и выделить среди них ядерные и периферийные явления.

Это справедливо и в отношении значений каждого падежа. Известно замечание В. В. Виноградова о том, что форма творительного падежа имени существительного в функции сравнения и образа действия находится "на полпути к адвербиализации", а форма творительного времени – еще ближе к наречиям (Виноградов, 1972: 305). Таким образом, исследователь связывает положение между существительным и наречием с семантикой формы.

Существительные в форме творительного падежа способны выражать разнообразие темпоральные значения. Ср.:

*Я помню, ты **длитель** с ним часто танцевала, Я за уши его **дирала**, только мало* (А. Грибоедов); *Одет он был небрежно и весь измят, будто **сутками** валялся на постели, не раздеваясь* (К. Паустовский); *К концу нашего житья в Кисловодске он стал захаживать к нам **вечерами** – ко мне и к моей жене – с единственной целью поговорить об одном близком ему человеке, по которому он страшно соскучился: о своей жене Галине Стахивевне* (К. Чуковский).

Однако наиболее ярко они иллюстрируют процесс адвербиализации при обозначении временных отрезков: времени суток (*утром, днем, вечером, ночью*) и времен года (*весной, летом, осенью, зимой*). Оригинальное объяснение этому явлению предлагает М. В. Панов: в форме творительного падежа от основы с временным значением "заражается" временным значением флексия²; поэтому и вся словоформа используется как обстоятельство времени (Панов, 1990: 84). Речь идет, таким образом, о совмещении лексической и грамматической семантики.

Возможность употребления слова с зависимым прилагательным (или другим признаковым словом) в роли согласованного определения (*ранним утром, глубокой ночью, этой весной*), мешает ему "отбыть" в наречия и удерживает его в пределах существительного" (Панов, 1990: 83); (Бабайцева, 2000: 41).

В связи с этим обратимся к вопросу о возможностях атрибутивного распространения обстоятельств. Отметим, что определения в их составе могут быть выражены различными частями речи – существительным в форме родительного падежа, причастием, местоимением-прилагательным, порядковым числительным:

*Обед в поле под палаткою также не удался, или по крайней мере был не по вкусу Кирила Петровича, который прибил повара, разбрал гостей и на возвратном пути со всею своею охотою нарочно поехал **полями Дубровского*** (А. Пушкин); *День и ночь **взволнованною сказкой** / мне звучат твои слова* (романс); ***В то утро** начального октября за окном была синь, комната полнилась светом, отраженным от залитого солнцем бело-кирпичного торца противоположного дома, и голоса Веры Лазаревны не было слышно. **В первый миг**, едва разлепив глаза, Дмитриев бессознательно – из-за солнца и света – ощутил радость, но уже **в следующую секунду** все вспомнилось, синева смеркла, за окном установился безнадежно ясный и холодный осенний день* (Ю. Трифонов).

Лидирующее положение занимают имена прилагательные.

Отметим также, что распространяться могут субстантивные формы, выражающие различные обстоятельственные значения (времени, образа действия, места и проч.):

*Словно шальная пошла я **дорогою**: Не попадет ли сын?* (Н. Некрасов) – ... и пошел ***привычной дорогой*** (Л. Гинзбург).

² Странно, однако, что словоформа, являющаяся названием стихотворения "Летом", по мнению М. В. Панова, не имеет значения времени.

Значит, обстоятельственное употребление словосочетаний с атрибутивными отношениями не связано с семантикой. Обратим, однако, внимание на то, что характер определений в составе обстоятельств разных типов неодинаков. В обстоятельствах образа действия возможно употребление качественных и притяжательных прилагательных:

Берлогой *глядит борода*, /*Где спят медвежата-года* /*И беличьим выводком дни...* (Н. Клюев); *Облаком, сизым облаком* *Ты полети у родному дому* (Р. Рождественский).

Проанализируем возможности адъективного распространения обстоятельств времени:

Белыми ночами *прохожие выглядят неестественно. Днем* *у идущего по улице человека есть назначение; настоящей ночью* *у человека на улице есть особая свобода, облегченность движений, которая дается сознанием собственной невидимости, отдыхом от чужого взгляда. Белой ночью* *люди нецелесообразны и в то же время несвободны* (Л. Гинзбург).

Белая ночь противопоставлена, с одной стороны, дню, с другой – "настоящей" ночи и, следовательно, рассматривается как промежуточное явление между ними. В этом контексте в семантике прилагательного *настоящая* актуализируется качественное значение, в то время как сема цвета прилагательного *белая* в составе терминологического сочетания если не полностью утрачивается, то существенно ослабевает.

В составе обстоятельств времени атрибутивные распространители в большинстве случаев не обладают характеризующим значением, они лишь помогают уточнить рамки временного отрезка:

Однажды, в студеную зимнюю пору, /*Я из лесу вышел* (Н. Некрасов); ... *он всегда загорал уже ранней весной...* (К. Чуковский); *Майскими короткими ночами*, / *отгремев, закончились бои...* (из песни).

Местоименный атрибут может выполнять функцию определенного артикля³:

Одним майским днем, *когда небо зеленело от холода, пришло великое известие, что мы победили и война окончена.*

В обстоятельствах времени чаще встречаются относительные прилагательные, в семантической структуре которых актуализируются значения, скорее, грамматические: указание на "фазу" сезона, его стадию.

В словосочетании с относительным прилагательным может быть объединено значение времени года и времени суток:

Ноябрьским днем, *когда защищены От ветра только голые деревья...* (И. Бродский).

Некоторые сочетания определяют отношение к моменту речи:

Как бы хорошо было, если нынешней зимой я был свидетелем и участником твоего торжества! (Пушкин – П. А. Катенину, 4 декабря 1825 г. Михайловское);

³ Ср. с употреблением местоименного наречия в роли неопределенного артикля:

Как-то ночью *в промозглой и грязной пивной близ Финляндского вокзала на Выборгской, сидя за бутылками в темном углу, он вдруг заговорил об этой своей излюбленной теме* (К. Чуковский).

*Еще недавно мы встречали человека, который радостно сообщал: а меня, знаете, напечатали! **Прошедшей зимой** все мы встречали людей унылых или растерянных, которые тихим голосом говорили: подумайте, моих таки две статьи напечатали* (Л. Гинзбург).

Лексическое значение подобных прилагательных ограничивает их употребление рамками обстоятельств времени (*прошлый раз, в настоящий момент, на будущий год* и т. д.). В этой связи можно говорить о частичной грамматикализации прилагательных или о совпадении в них лексической и грамматической семантики времени. Реализация атрибутивных свойств в поэтической речи допускает метонимический перенос:

*Но в этом трагедийном детстве / **Былых и будущих** утрат...; Краткий обморок вечной судьбы – / **будущем** снеге* (Б. Ахмадулина).

Таким образом, в процессе адвербиализации форма творительного падежа существительных, обозначающих отрезки времени, не утрачивает способность сочетаться с прилагательными и местоимениями-прилагательными (*этой ночью*).

Отметим, что обстоятельства времени сохраняют полученную в наследство от существительных способность употребляться в обобщенном и конкретном значениях. Ср.:

***Ночью** все кошки серы – Я лег на третью ночь спать с головной болью, ничего не придумав. **Ночью** определение пришло* (В. Маяковский).

В первом случае возможность взаимозамены форм множественного и единственного числа (*ночами все кошки серы*) свидетельствует об обобщенном характере обстоятельства. Во втором случае речь идет о вполне конкретной (что доказывает и возможность сочетания с порядковым прилагательным или местоимением-прилагательным) ночи, а не о ночи вообще.

Таким образом, "застывшая" форма в функции обстоятельства времени (омонимичная форме творительного падежа существительного) может быть квалифицирована как переходное звено, представляющее собой синкретичное образование, промежуточное между существительным и наречием.

Можно сделать вывод о зависимости характера атрибутивного распространителя в составе обстоятельства от степени адвербиализации субстантивного сочетания. С учетом этого распределим языковые явления на шкале переходности. Ср. морфологический статус обстоятельств времени:

***Поутру, после ночи** – то бессонной, то глушившей удушливым сном, – он вышел на улицу...* (Л. Гинзбург); *Но вот как-то раз, уже во время войны, мы вышли от общих знакомых; оказалось, что нам по пути, мы пошли **зимней ночью** по спящему городу и почему-то заговорили о старых журналах...* (К. Чуковский).

Возможность распространения рядом однородных определений, включающим, наряду с одиночным прилагательным, причастный оборот, ярко демонстрирует субстантивные свойства определяемого слова и позволяет рассматривать предложно-падежную форму *после ночи* на периферии класса существительных. Форма творительного падежа, как было указано выше, квалифицируется как промежуточное субстантивно-наречное образование, сочетание которого с

относительным прилагательным (*зимней ночью*) "уплотняет" значение времени. Наконец, невозможность атрибутивного распространения свидетельствует о принадлежности слова *поутру* к классу наречий.

Выше была отмечена способность прилагательных выступать в роли обстоятельственных фазовых конкретизаторов (*в полный рост, поздней осенью*). Интересно, что количественная семантика может выражаться и другими морфологическими средствами: с помощью наречия, частицы и т. д. Ср.:

На следующий день, рано поутру, Анна Сергеевна велела позвать Базарова к себе в кабинет и с принужденным скорбным смехом подала ему сложенный листок почтовой бумаги (И. Тургенев); *А под самое утро – особенное рафинированное удовольствие парижан – идти смотреть в Центральный рынок Галль пробуждение трудового Парижа* (В. Маяковский).

Количественное значение выражается не только на уровне слов, но и посредством морфем:

"Во весь голос" (В. Маяковский) – *Искусно, Ася, искусно, – промолвил Гагин вполголоса* (И. Тургенев).

Местоимения-прилагательные употребляются как обстоятельственные интенсификаторы (*всем миром, со всего маху*). Подчеркнем, что они могут распространять и наречные сочетания, элементы которых не поддаются однозначной интерпретации. Д. Н. Шмелев отметил: слова *скак – нет, элемент *скаку* может быть только в соединении *на скаку*, но в это соединение можно вклинить другое слово (Шмелев, 1973: 59) (*на полном скаку, на всем скаку*). Способность сочетаться с определением, как ни парадоксально, в подобных случаях (а количество их, по мнению Д. Н. Шмелева, очень значительно) не является показателем принадлежности к классу существительных современного русского языка, но свидетельствует о субстантивном прошлом утратившего знаменательность элемента в более ранние периоды развития языка.

Любопытно, что адвербиализация субстантивной формы в некоторых случаях без атрибутивного распространения была бы невозможна. Ср.: *одним махом – одним ударом* (есть наречие *махом*, но нет *ударом). При этом не имеет значения характер связи наречного сочетания с классом имен существительных. Ср.: *во весь дух – во весь опор* (наречий *в дух, *в опор не существует, хотя существительное *дух* есть, а слова *опор нет).

Вероятно, в этой связи следует говорить о широких возможностях адвербиализации не только субстантивных форм, но и субстантивных словосочетаний:

С моря постоянно наносит туман, и от обилия влаги буйно разрастается мох. Он свешивается с веток зелеными прядями до самой земли (К. Паустовский).

Переходят в наречия словосочетания свободные, устойчивые (*изо всех сил*) и фразеологические (*во всю ивановскую*). В этом случае также отметим переплетение процессов адвербиализации и фразеологизации.

Это явление известно в связи с образованием некоторых наречий путем сращения. Ср.:

Сей час государь присылал у меня просить твоих стихов; у меня их не случилось (В. А. Жуковский – Пушкину, не ранее 16 августа 1831 г., Царское Село) – *Сейчас* фраза является элементом прозы в том смысле, в каком строка является элементом стиха (Л. Гинзбург).

На основании этого можно уточнить сформулированное ранее положение о ступенях адвербиализации с учетом характера определения. Способность сочетаться с качественными прилагательными свидетельствует о принадлежности слова к периферии существительных, утрата этой способности – о переходе в состав наречия, причем сочетаемость с относительными прилагательными отличает промежуточные явления, а возможность распространяться только местоимениями-прилагательными характеризует отсубстантивные образования, составляющие периферию наречий. Таким образом, адвербиализация сопровождается ограничением возможности сочетания субстантивного элемента с определяющим его прилагательным, утратой его качественных свойств (при возможности иметь определенные количественные параметры).

Поскольку формальные признаки адвербиализации могут отсутствовать, большая роль отводится содержательным. Средством анализа категориальной семантики, позволяющим уточнить морфологический статуса, является, как известно (Чеснокова, 1978), грамматический вопрос. Однако при дифференциации существительного и наречия важно учесть, что субстантивные формы часто синкретичны и могут совмещать в разной пропорции функции дополнения и обстоятельства, допуская одновременную постановку двух вопросов:

Он стар. Он удручен годами, Войной, заботами, трудами...; Как взор его был быстр и нежен, Стыдлив и дерзок, а порой блистал послушною слезой! (А. Пушкин); *Этими стихами в ту пору был окрашен для меня весь Маяковский* (К. Чуковский).

Объектный вопрос (*чем?*) предпочтителен только в первом случае, хотя и здесь он не исключает обстоятельственного (*по какой причине?*), в остальных – допустимы оба (*чем? / как?*). Таким образом, возможность постановки обстоятельственного вопроса "сигнализирует" только о начальной ступени адвербиализации слова и не исключает принадлежности к классу существительных, признаком перехода можно считать невозможность объектного вопроса.

Показателем адвербиализации может служить появление новых синонимических и антонимических связей слова – уже не с существительными, а с наречиями. В этом убеждает, в частности, возможность синонимии наречий разного происхождения.

Сравним семантику однокоренных отсубстантивных и отадективных наречий. Общность корневой морфемы, возникающая в результате различных словообразовательных процессов, казалось бы, должна обуславливать близость лексического значения. В некоторых случаях однокоренные наречия разного происхождения тождественны по значению и взаимозаменяемы. Ср. обстоятельства образа действия:

Они с охотой примут нас... (А. Пушкин) – ... *он охотно бродил по Москве со мною и моими товарищами...* (К. Чуковский).

Возможность подобной взаимозамены свидетельствует об изменениях категориальной семантики субстантивной словоформы в процессе адвербиализации субстантивного сочетания. Ср. также:

Особенно запомнился мне один из разговоров весной 20-го года, когда вдруг обнаружилось, что два профессора, которые всю зиму работали с нами, тайно покинули Питер... (К. Чуковский) – *Почтовая контора учреждена была в дупле старого дуба. Настя втайне исправляла должность почтальона* (А. Пушкин).

В этом же значении ("тайным образом") употребляется и наречие *тайком* (как разговорный вариант). Отадъективное и отсубстантивное наречия синонимичны (и взаимозаменяемы) и в другом значении – "не обнаруживая своих намерений, мысленно":

*Тогда лишь только стало явно,
Зачем бежала своенравно
Она семейственных оков,
Томилась тайно, вздыхала
И на приветы женихов
Молчаньем гордым отвечала –*

Она была чуть жива; она втайне прощалась со всеми особами, со всеми предметами, ее окружавшими (А. Пушкин); *Втайне даже мечтал быть маячным смотрителем, но обязательно на маяке, далеком от городов* (К. Паустовский).

Ср. модальные обстоятельства⁴:

Увидав такую любезную моему охотничьему сердцу карту, я бросился искать проф. Житкова, чтобы попроситься у него посмотреть на охотничье хозяйство в действительности (М. Пришвин) – *Больная действительно находилась в отчаянии* (И. Тургенев); *Во всяком случае, он ничего не говорил, глаза его были закрыты, как у человека действительно спящего, и в те секунды, когда Лене очень хотелось, чтобы он ей что-нибудь сказал, он продолжал молчать* (Ю. Трифонов).

Отсубстантивное наречие имеет книжный характер, отадъективное нейтрально, поэтому оно может служить базой для образования модального слова со значением подтверждения:

Действительно, лавина есть в горах! (О. Мандельштам).

Впрочем, стилистические различия наречий довольно тонкие, можно отметить отличия в их сочетаемости с другими словами.

В ряде случаев взаимозамена однокоренных наречий разного происхождения невозможна, что обусловлено различиями в их лексическом значении:

Насильно мил не будешь (пословица) – *Сторожа сбежались на шум и насилу им овладели* (А. Пушкин).

⁴ В этом же значении употреблены и другие субстантивно-наречные образования:

Такова была внешняя биография Блока: идилическая, мирная, счастливая, светлая. Но на самом-то деле <...> подлинная его жизнь была совершенно иной (К. Чуковский); *Конечно, могут быть ухудшения, как сегодня, даже сильные боли, я допускаю, потому что процесс идет медленно, но в принципе я же иду на поправку* (Ю. Трифонов).

Значения отадективного и отсубстантивного наречий пересекаются лишь отчасти: хотя оба они имеют общую сему ("против"), отсубстантивное наречие включает также компонент ("с трудом"), который может актуализироваться с помощью повтора:

*Служанки сбежались, раздели ее, **насилу-насилу** успели ее успокоить холодной водой и всевозможными спиртами – ее уложили, и она впала в усыпление* (А. Пушкин).

Отсубстантивное наречие употребляется и в тех случаях, когда речь идет не о внешнем противостоянии, а о внутреннем преодолении:

*Они **насилу** дошли до конца сада; Маша **насилу** могла отвечать отрицательно* (А. Пушкин).

Получается, что один и тот же корень в наречиях разного происхождения обуславливает наличие в их семантической структуре общей семы, задающей близость значений, но не полную синонимию. "Параллельное" функционирование семантически близких слов одной части речи приводит к вытеснению одного из них или к появлению новых дискурсивных сем, уменьшающих семантическое сходство разных языковых форм. Это не противоречит общим принципам устранения избыточности и дифференциации различий.

Сказанное выше позволяет уточнить критерии адвербиализации. Подчеркнем, что при морфологической квалификации субстантивно-наречных сочетаний важно учитывать ряд факторов, в том числе: 1) мотивированность; 2) характер связи с классом существительных (содержательная или формальная); 3) изменение лексического значения; 4) изменение категориального значения; 5) семантическую обусловленность; 6) синтаксическую обусловленность; 7) синонимические и антонимические связи; 8) возможности сочетания с глаголом; 9) возможности сочетания с признаковыми словами; 10) характер атрибутивного распространения.

После замечаний об условиях адвербиализации имен существительных обратимся к попытке упорядочения синкретичных субстантивно-наречных образований.

2. Ступени адвербиализации имен существительных

Систематизация продуктивных моделей адвербиализации форм существительных, не утративших живых связей с именной парадигмой, крайне затруднительна. Заметим, что лексическое значение некоторых имен существительных вступает в определенное противоречие с категориальным значением предметности. Это относится и к неизменяемым существительным со значением времени. В структуре их лексического значения (о компонентной структуре лексического значения см. [Солодуб, 1997 и др.]) доминирующим оказывается не словообразовательный, а сигнификативный компонент. Абстрактная семантика существительного в ряде случаев обуславливает наличие атрибутивного распространителя, выступающего в роли конкретизатора. Так, существительное *время* является источником образования целого ряда наречных сочетаний:

*Перед уходом мы, с трудом изъяснявшиеся **все время** с нашим любезным провожатым, пытаемся с тем же трудом его поблагодарить* (В. Маяковский); *Многие **долгое время** не замечали в нем этого бесстрашия правды* (К. Чуковский).

В их составе атрибут, собственно, и формирует обстоятельственное значение ("долго", "постоянно"), в то время как субстантив в большей степени выполняет функцию строевого элемента. Любопытно, что сочетание с определением факультативно для типичного существительного (***время** лечит – **мудрое время** лечит*), невозможно для типичного наречия (*важно **вовремя** уйти*) и обязательно для переходных субстантивно-наречных образований. Ср.:

*Если бы все творчество можно было бы отдать хозяину линий прямых и совершенно бы устранить хозяина линий кривых, то на земле бы **в короткое время** был создан рай, и все бы в нем ужасно заскучали <...> В этом плане и прошлое вставало передо мной без обычного чувства горечи, и так я решил: **в наше время** мы будем собирать человека, как землю собирали цари <...> Вам, конечно, известно, что центральный район в составе десяти губерний с Москвой в сердце являлся в русской истории организующим началом всей огромной бывшей Российской империи, и **в настоящее время** этот центральный район, заключающий в себе величайшее богатство против других районов страны – человека с его культурными навыками, является основным в деле грядущего восстановления производительных сил всей страны?* (М. Пришвин); *А **в это же время** Чуткое Горное Эхо пришло в гости к Отражению, которое жило на зеркальной глади горного озера* (И. Картушин).

По сравнению с существительным *время* слово *пора* в меньшей степени "лексично", поскольку оно требует атрибутивного распространения даже в большинстве случаев явно субстантивного употребления. Определение может быть согласованным и несогласованным:

*На исходе осени, когда голы уже леса, а горы по ту и другую сторону Енисея кажутся выше, громадней, и сам Енисей, в сентябре еще высветлившийся до донного камешка, со дна же возьметя сонною водою, и по пустым огородам проступит изморозь, в нашем селе наступает короткая, но бурная **пора** – **пора рубки** капусты* (В. Астафьев).

Ср. также:

*Грибная **пора** отойти не успела...* (Н. Некрасов); *Есть в осени первоначальной Короткая, но дивная **пора*** (Ф. Тютчев) – *Когда же юности мятежной Пришла Евгению **пора**, **Пора надежд и грусти нежной**...; Как грустно мне твое явленье, Весна, весна! **пора любви!*** (А. Пушкин); *Зима недаром злится, прошла ее **пора*** (Ф. Тютчев).

Определительная придаточная часть относится к типичному существительному:

*И хотя вначале, как мы уже видели, это "гибельное чувство" было осознано им не вполне, вскоре наступила **пора**, когда он с каждым днем стал понимать все яснее, что спасительная катастрофа, которой он так жаждет и ждет, есть революция* (К. Чуковский).

Придаточная часть при обстоятельстве синкретична, поскольку совмещает определительное значение с обстоятельственным значением времени:

Как часто летнею порою, Когда прозрачно и светло Ночное небо над Невоею... (А. Пушкин).

Опишем процесс перехода существительного *пора* в состав наречий с помощью шкалы в заимодействия, позволяющей представить колебания субстантивных и наречных свойств:

А – (Ааб) – Аб – (Абб) – АБ – (ааб) – аБ – (абБ) – Б.

А – *Была та смутная пора,
Когда Россия молодая,
В бореньях силы напрягая,
Мужала с гением Петра*
(А. Пушкин);

(Ааб) – *Ася осталась в моей памяти той самой девочкой, какую я знал в лучшей пору моей жизни, какую я ее видел в последний раз, наклоненной на спинку низкого деревянного стула* (И. Тургенев);

Аб – ... *Мария Карловна сказала ему, что они должны непременно разъехаться, покуда он не закончит своего "Поединка": /– А до той поры я тебе не жена! <...> Она впопыхах не заметила, спустила меня, но с той поры стала так осмотрительна...* (К. Чуковский);

(Абб) – *Но издателей в ту пору в Москве было мало* (К. Чуковский); *Уж давно в тебя летней порою Не случается нам заглянуть, Милый город!* (Н. Некрасов);

АБ – *Как взор его был быстр и нежен, Стыдлив и дерзок, а порою блистал послушною слезой!* (А. Пушкин);

(ааб) – *Посылаю тебе, любезнейший Александр Сергеевич, только что вышедшую из печати сказку мою; привез бы ее сам, но слышал о несчастье, случившемся с твоей женой, и боюсь приехать не в пору* (П. А. Катенин – Пушкину, 10 марта 1834 г., Петербург);

аБ – *А другой <...> схватит кружку с квасом и, подув на плавающих там мух, так, чтоб отнесло их к другому краю, отчего мухи, до тех пор неподвижные, сильно начинают шевелиться...* (И. Гончаров); *С тех пор мама заранее прогоняла Рыжика на кухню... А утром мы его обнаруживали спящим поверх одеяла в ногах – то у меня на кровати, то у брата* (И. Картушин);

(абБ) – *Нежно влюбленный в жену, Александр Иванович был рад (опять-таки на первых порах) добросовестно выполнять ее требования* (К. Чуковский);

Б – *Да, может, не в пору!* – заметила Настасья. /– *Не в пору!* А это что? ... (Ф. Достоевский).

Особенность этого трансформационного ряда состоит в том, что привычные символы начального (А) и конечного (Б) звена, задают оппозицию, единиц, не обладающих полным набором дифференциальных признаков. Исходное существительное не принадлежит к субстантивному ядру, поскольку категориальное значение предметности сочетается в нем с индивидуальным значением неопределенного временного отрезка. Семантическая недостаточность существительного компенсируется атрибутивным распространением (согласуемым или управляемым словом, придаточной частью) и провоцирует его морфологическую

недостаточность (невозможность изменяться по числам, сочетаться с числительными). Соответственно, и результирующее слово не принадлежит и к наречному ядру, состоящему из непроемных слов. Тем не менее именно эти звенья противопоставлены как в наибольшей степени обладающие субстантивными и наречными признаками.

Условия для перехода в наречия создаются употреблением в обстоятельственной функции предложно-падежной формы существительного. Субстантивная периферия представлена тремя звеньями с разными возможностями адъективного распространения: широкая сочетаемость с прилагательными говорит о принадлежности к классу существительных (**Ааб**), употребление с указательными местоимениями-прилагательными свидетельствуют о погашении субстантивных сем (**Аб**), возможность замены сочетаний наречием (*тогда, летом*) позволяет сделать вывод об усилении наречных свойств (**Абб**). Меняется и характер значения атрибута: от конкретного к обобщенному.

Промежуточное звено (**АБ**), совмещающее признаки обеих частей речи, представлено синкретичной полунаречной единицей – "застывшей" формой творительного падежа, синонимичной наречию *иногда*. Субстантивное значение отрезка времени на этой ступени трансформируется в более абстрактное значение периодичности. Оно позволяет употребить наречие при однородных членах предложения и сближает его с повторяющимся сочинительным союзом, выражающим отношения чередования (*то... то...*):

Порою он бывал бешено вспыльчив, порою, как и каждый из нас, несправедлив, недостаточно чуток (К. Чуковский).

На периферии наречий три звена выделены с учетом формальной организации наречного комплекса. Раздельное написание наречия *в пору* ("вовремя") говорит о его субстантивном прошлом (**ааб**), появление формы множественного числа свидетельствует о десемантизации слова, утрате связи с парадигмой существительного и актуализирует его адвербиальные свойства (**аб**), в устойчивом наречном сочетании *на первых порах* главный компонент выполняет "строевую" функцию, а зависимый определяет семантику ("сначала") (**абб**).

Таким образом, синкретичные субстантивно-наречные сочетания синонимичны наречиям времени (*тогда, иногда, вовремя, сначала*), поскольку наследуют от исходного существительного идею времени, которая полностью утрачивается только наречием *в пору* ("по мерке"). Это – качественное изменение лексического значения, свидетельствующее о переходе в новый грамматический класс. Помимо общей семы, переходные образования сохраняют и внешнее сходство с субстантивным источником, имитируя его падежную или предложно-падежную форму и допуская возможность атрибутивного распространения.

Обратим внимание на сходство звеньев, обозначенных как **Аб** и **аб**. Представленные в них единицы (*до той поры, с той поры – до тех пор, с тех пор*) обладают определенной общностью: во-первых, они напоминают "осколки" парадигмы и реализуют субстантивную формообразовательную модель изменения по числам, во-вторых, десемантизируются и выполняют функцию обозначения отношения к моменту речи. Это грамматическое значение складывается из семантики словоформы, неопределенного значения местоимения-прилагательного

и заключенной в предлогах идеи предела. В большей степени грамматикализация касается периферийных наречных сочетаний, которые становятся источником для образования подчинительных временных союзов (*до тех пор пока, с тех пор как*). Отметим, что в состав служебных слов переходят сочетания только с тем местоименным компонентом, который может стать указательным словом. Ср.:

Знай: мы чужие с этих пор...; У меня до сих пор сохраняется подписанный Александром Ивановичем документ об одном самоцвете, принадлежащем артистке М. С. Марадудиной (К. Чуковский);

Условия для конъюнктивизации создаются в результате грамматикализации синкретичных образований, возникших в ходе адвербиализации существительного. Возникает своеобразная «цепная реакция»: переход одного знаменательного слова в другое инициирует переход в состав служебных слов.

Введение дополнительных синкретичных звеньев позволяет детальнее представить периферийные явления и показать, что процесс адвербиализации может осуществляться не скачкообразно, а постепенно. Отметим, что на базе одного исходного слова возникает ряд наречий и наречных сочетаний, представляющих результаты различных переходных процессов, завершенных на различных этапах адвербиализации:

пора – *до той поры, с той поры, в ту пору, порой (порою), в пору, с этих пор, до сих пор, до тех пор, с тех пор, на первых порах, впору* (ср. также: *с давних пор, в самой поре* и т.п.).

Важно отметить, что оказывается возможным образование наречий по модели формообразования. Вопрос о существовании ли т. н. "ложной" адвербиализации (по аналогии с "ложной" субстантивацией), заслуживает дальнейшего изучения. Заметим только, что субстантивная трансформационная модель, вероятно, реализована в сложных словах:

Вполоборота: – *Это вот Наш дом...* (М. Цветаева); *И я с благодарностью ощутил это деловое прикосновение, как отдаленную, мимоходом брошенную ласку* (К. Паустовский).

В заключение – несколько слов о полевой организации наречной системы. По-видимому, частеречное ядро составляют непроемкие наречия. Обширную периферию образуют наречия, мотивированные словами других грамматических классов. Типичными представителями класса можно считать, вероятно, и производные морфологически маркированные слова, например, отадъективные наречия с суффиксами *-о, -е (весело)*, образованные от числительных с помощью суффиксов *-ю, -жды (дважды)* и т. п. Наречия, сохраняющие субстантивную форму, обречены на периферийное положение в составе наречий, независимо от степени их адвербиализации и типа образования (действительно отсубстантивного или по модели). Даже наречия, лишенные связи с классом существительных современного русского языка, не воспринимаются как типичные представители грамматического класса, если их форма напоминает предложно-падежные сочетания (*впоях, впаад*). Впрочем, именно изучение отсубстантивных наречий наилучшим образом стимулирует обращение к истории языка, поскольку в них отражены «застывшие» формы, связанные с различными временными пластами.

Близость существительного и наречия объясняется их способностью употребляться в качестве обстоятельства. Наличие общей синтаксической функции мешает четкому противопоставлению частей речи, "размывая" границу между ними, и создает благоприятные условия для перехода существительных в наречия. Этот процесс представляет собой комплекс лексико-грамматических трансформаций. Возрастает прогнозируемость сочетаемости слова, степень его обусловленности и вместе с тем сужаются возможности глагольного подчинения. Однако при адвербиализации изменяется характер валентности транспонируемой словоформы не только в отношении глаголов, но и в отношении признаков слов. И хотя возможность атрибутивного распространения слова является универсальным критерием, позволяющим констатировать его субстантивную природу, при морфологической квалификации наречных сочетаний важно учитывать характер атрибута, его содержательную, а не формальную признаковую. Переход существительного в состав наречий сопровождается изменениями на всех уровнях семантической структуры: формируются новые лексическое и категориальное значения, возникают синонимические и антонимические отношения со словами другого класса слов. Выделение нескольких ступеней адвербиализации существительных позволяет детально представить переходную зону и упорядочить описание синкретичных субстантивно-наречных образований.

Гипотеза о том, что система частей речи также имеет полевою организацию (представляет собой поле, состоящее из полей), демонстрирует незамкнутость морфологической системы языка и позволяет рассматривать ее в свете логики нечетких множеств как сложную самоорганизующуюся систему. Представляется, что синкретичные звенья (**Ааб**, **Аб**, **Абб**, **АБ**, **ааБ**, **аБ**, **абБ**) легко сопоставить с точками бифуркации (в терминологии синергетики), которые позволяют наблюдать "смену мотива" и накопление "случайных" элементов в системе.

Таким образом, исследование явления синкретизма в грамматике современного русского языка может трактоваться как применение синергетического способа мышления в лингвистике.

ЛИТЕРАТУРА

А д м о н и, В. Г., 1968: "Полевая природа частей речи" / *Вопросы теории частей речи: На материале языков различных типов*, Л., С. 98–106.

Б а б а й ц е в а, В. В., 1967: *Переходные конструкции в синтаксисе*, Воронеж.

Б а б а й ц е в а, В. В., 2000: *Явления переходности в грамматике русского языка*, М.

В и н о г р а д о в, В. В., 1972: *Русский язык (Грамматическое учение о слове)*, М.

В ы с о ц к а я, И. В., 2004: "Лингвистика XXI века: синергетическая парадигма", *Res philologica: Ученые записки*, Вып. 4, Отв. ред., сост. Э. Я. Фесенко, Архангельск, С. 52–56.

В ы с о ц к а я, И. В., 2006: *Синкретизм в системе частей речи современного русского языка*, М.: МПГУ.

В ы с о ц к а я, И. В., 2007: "...А есть ли асистемное?", *Системное и асистемное в языке и речи*, под ред. М. Б. Ташлыковой, Иркутск, С. 25–31.

И в а н о в, Вяч. Вс., 2004: *Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему*, М.

П а в л о в, В. М., 1996: *Полевые структуры в строе языка*, Л.

П а в л о в, В. М., 1995: "Теория поля в грамматике и «промежуточные» явления как единства противоположностей (на примере исторического синтаксиса девербальных номинаций в немецком языке)", *Функциональное описание русского языка*, М., С. 8–16.

П а н о в, М. В., 1990: "О позиционном чередовании грамматических значений", *Типология и грамматика*, М., С. 82–90.

С о л о д у б, Ю. П., 1997: "Структура лексического значения", *Филологические науки*, № 2, С. 54.

Ч е с н о к о в а, Л. Д., 1978: "Грамматические вопросы как средство анализа предложений", *Русский язык в школе*, № 2, С. 46–52.

Ш и г у р о в, В. В., 2003: *Прономинализация как тип ступенчатой транспозиции словоформ в системе частей речи: (Материалы к транспозиционной грамматике русского языка)*, Саранск.

Ш м е л е в, Д. Н., 1973: *Проблемы семантического анализа лексики*, М.

В r i n k m a n, H., 1963: *Die Wortarten im Deutschen. Das Ringen um eine neue deutsche Grammatik*, Darmstadt.

UZAJAMNO DJELOVANJE IMENICE I PRILOGA U SUVREMENOM RUSKOM JEZIKU

SAŽETAK

Članak razmatra uzajamno djelovanje vrsta riječi s motrišta teorije sinkretizma i teorije polja, kao i načela sinergije u lingvistici. U radu su okarakterizirani uvjeti i stupnjevi adverbijalizacije imenica, na skali uzajamnog djelovanja istražen je niz poveznica koji prikazuje sinkronične veze imenica i priloga u suvremenom ruskom jeziku.

KLJUČNE RIJEČI: *teorija sinkretizma, teorija polja, nuklearne pojave, sinkretične pojave, skala prelaska, skala uzajamnog djelovanja, adverbijalizacija*